

АЛПЕРС Т. С. — в ПРЕЗИДИУМ ВЦИК

АЛПЕРС (урожд. Алексеева) Татьяна Семеновна. Проживала с семьей в Москве, занималась домашним хозяйством и воспитанием двоих дочерей. Весной 1928 — арестована, приговорена к ограничению проживания на 3 года (-6).

В мае 1928 — обратилась с заявлением в Президиум ВЦИКа, передав копию его в ПКК с просьбой о помощи.

<10 мая 1928>

В Президиум Всероссийского Исполнительного Комитета
Советов

Татьяны Семеновны АЛПЕРС,
живущей в д<оме> № 11 по
1-му Зачатьевскому пер<еулку>,
Остоженка.

ХОДАТАЙСТВО О ПОМИЛОВАНИИ

Сего числа мне объявлено постановление Коллегии ОГПУ о высылке меня из Москвы на три года без права жительства в шести крупнейших городах ССР ("минус шесть").

Основанием для обвинения меня послужило следующее:

Два года тому назад моя 10-ти летняя дочь Елена, учившаяся тогда в Государственной Балетной школе, отправилась со старшими подругами на концерт, который устраивала названная школа в Бетховенском зале ГАБТ'а. Девочка поместилась у эстрады лицом к публике, своей миловидностью она обратила внимание двух лиц, мужчины и женщины, сидевших против нее в I ряду. Они заговорили с девочкой; она, видимо, понравилась им. Они усадили ее между собой в I ряду, а после концерта предложили довезти ее до дому.

Я и муж мой уже спали, когда этот мужчина доставил девочку домой, передав ей клочок бумажки, на котором он написал свою фамилию Чарнок. Сидевшая с ним женщина была его жена, которую он завез сначала к себе в Британскую Миссию.

Мне показалось неудобным оставить без благодарности любезный поступок иностранцев, тем более, что отношения между СССР и Британией были далеко от того положения, в котором они находятся ныне после налета английской полиции на Аркос. Ничто не предвещало тогда этого налета.

Я взяла с собой дочь Елену и отправилась к Чартокам поблагодарить. Они очень хвалили мою девочку и пригласили ее вместе с другой моей дочерью Натальей, оставшейся дома, на детский чай через неделю. Дети обрадовались этому приглашению, и я свезла их на этот чай, но сама не оставалась у англичан. Дети возвратились домой без меня на автомобиле. Вот и все мои отношения с Черноками. Ни я, ни дети никогда больше не видели их.

Меня еще спрашивал следователь, откуда я получила из-за границы деньги, всего около 1500 руб<лей>, не от иностранцев ли. Я объяснила, что это наследство, полученное мною от отца С. М. Алексеева, убитого вместе со своей женой — моей мачехой на даче близ ст<анции> Одинцово 10/II — 25 г<ода> Юрием Столыпиным. Отец имел получить 25.000 франков, завещанные ему его клиенткой Лобановой-Ростовской, проживавшей постоянно за границей и умершей в 1919 г<оду> в Vevey (Швейцария). Мой отец, бывш<ий> присяжный поверенный; он вел дела

ее, связанные с владением имущества в России. Отец не соглашался получить деньги во французской валюте вместо швейцарской, мы же с сестрой согласились, и нам было выслано через Госбанк всего около 3000 руб<лей> на двоих.

Об этом наследстве, из-за которого был убит отец (убийца думал, что отец уже получил завещанное ему), знают все наши родные и знакомые, об этом писали газеты в отчетах о процессе Столыпина, у нас есть на руках переписка с Парижским нотариусом Моро (Moreau), имевшим Контору 76, rue S' Lazare, еще с 1923 года. Я полагаю, что правдивость сказанного мной о наследстве проверена ОГПУ, ибо сестру мою, получившую столько же, сколько и я, вовсе не допрашивали, даже как свидетельницу.

Следователь высказывал подозрение, что, может быть, дети служили ширмой для посещения мной Чарноков. Конечно, подозревать можно все, но в данном случае такое подозрение является совершенно неосновательным. Оно опровергается всей моей жизнью, хорошо известной многим родным и знакомым. Я живу в среде лояльных советских работников. Мой муж с первого дня Советской власти и до сей поры служит на государственной службе. Мой дядя, с которым мы поддерживаем близкое общение, заслуженный профессор В. Д. Шервинский. Племянник мужа Борис Алперс в течение нескольких лет руководил театром Революции; двоюродная сестра моя замужем за Г. Б. Красиным; племянница мужа за партийным тов<арищем> Дешевым в Ленинграде. Все они знают меня хорошо и могут подтвердить, насколько я далека от политики, полагая главным интересом в жизни здоровье и воспитание своих детей, страдающих одна активным туберкулезом, другая эпилепсией.

В полном сознании своей невиновности, ибо посещение мной Чарнока два года тому назад, вызванное побуждением исполнить общепринятый долг вежливости по отношению лиц, оказавших любезность моей дочери, безотносительно к их национальности, было чисто случайным и ограничилось двумя кратковременными посещениями и сейчас же прекратились, — я прошу Президиум ВЦИК'а не вменять мне в вину этот случайный эпизод в моей жизни, давно мной забытый, и освободить меня в порядке помилования от тяжелого для меня наказания, наложенного Коллегией ОГПУ, разрешив мне остаться жить в Москве вместе со своей семьей. Больные дети постоянно нуждаются в моем уходе.

Вместе с тем прошу сделать распоряжение о приостановке высылки меня из Москвы впредь до разрешения настоящего ходатайства.

Москва. Мая "10" дня 1928 года»¹.

На письме — четыре пометы секретаря ПКК:

«2 мед<ицинских> удост<оверения> о болезни дочери».

«Пересмотрят. Спр<авка> КРО. 15/IV-28».

«Можно не извещать, позвонить. 16/IV. ЕП».

«Осв<обождена>».

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 290. С 177-178. Машинопись.